Независимая газ. – 2001 – 18 мая – с. 16

МИХАИЛ БУЛГАКОВ И ЮРИЙ СЛЕЗКИН

История дружбы двух писателей

Станислав Никоненко

ЛОЖЬ, никем не опровергнутая, растет как снежный ком, и на пустом месте рождается миф.

О чем речь? О взаимоотношениях двух писателей: всем известного Михаила Афанасьевича Булгакова (1891–1940) и ныне мало кому известного Юрия Львовича Слезкина (1885–1947). Считают, что Михаил Афанасьевич стал прототипом Алексея Васильевича, одного из главных героев романа Слезкина «Столовая гора» («Девушка с гор»). Булгаков якобы сатирически изобразил Слезкина в «Театральном романе» (как писателя – завистника Ликоспастова).

О дружбе этих двух писателей известно из многочисленных публикаций, посвященных автору «Мастера и Маргариты». Познакомились они в 1920 году во Владикавказе, еще при белых, но вскоре пришли красные. Слезкин становится руководителем подотдела искусств комитета народного образования Владикавказа, Булгаков – заведующим литературной секцией в том же подотделе. Этот период их отношений очень тепло описан Булгаковым в «Записках на манжетах», он называет здесь Слезкина *«литератором со всероссийским именем»*.

Юрий Слезкин происходил из старинного дворянского рода; сын видного генерала, он не пошел по стопам отца, а с юных лет посвятил себя литературе. Первые его публикации относятся к самому началу XX века. А накануне Первой мировой войны он уже автор нескольких романов, трехтомного собрания сочинений, по его роману «Ольга Орг» (переведенному на полдюжины европейских языков) поставлено несколько кинофильмов. Он невероятно популярен (неудивительно, что в середине 90-х годов XX века в антологию «Новелла Серебряного века» включены пять его рассказов). Вот с таким известным писателем свела жизнь делающего первые шаги в литературе Михаила Булгакова.

Близкая дружба продолжалась и по приезде их в Москву в 1921 г. Сергей Ермолинский вспоминает о Булгакове: *«Начинающему литератору казалось важным и лестным знакомство с «настоящим писателем»*. В 1924 г. произошло расхождение. Начало 1924 г. еще ничем не омрачено. 15 марта этого года Булгаков дарит Слезкину только что вышедшую «Дьяволиаду» со следующей надписью: *«Милому Юре Слезкину в память наших скитаний, страданий у подножия Столовой Горы. У подножия ставился первый акт Дьяволиады, дай нам Бог дожить до акта V-го – веселого с развязкой свадебной»*. Единственным источником, объясняющим расхождение, служит запись в дневнике Слезкина от 21 февраля 1932 года: *«Вскоре он прочел нам первые главы своего романа «Белая гвардия». Я его от души поздравил и поцеловал – меня увлекала эта вещь, и я радовался за ее автора. Тут у Булгакова пошли «дела семейные» – появились новые интересы, ему стало не до меня. Ударил в нос успех. К тому времени вернулся из Берлина Василевский (Не-Буква) с женой своей (которой по счету?) Любовью Евгеньевной, не глупая практическая женщина, много испытавшая на своем веку, оставившая в Германии свою «любовь», – Василевская приглядывалась ко всем мужчинам, которые могли бы помочь строить ее будущее. С мужем она была не в ладах. Наклевывался роман у нее с Потехиным Юрием Михайловичем (ранее вернувшимся из эмиграции) – не вышло, было и со мной сказано несколько теплых слов... Булгаков подвернулся кстати. Через месяц-два все узнали, что Миша бросил Татьяну Николаевну и сошелся с Любовью Евгеньевной. С той поры – наша дружба пошла врозь. Нужно было и Мише и Л.Е. начинать «новую жизнь», а следовательно, понадобились новые друзья – не знавшие их прошлого. Встречи наши стали все реже, а вскоре почти совсем прекратились, хотя мы остались по-прежнему на «ты»*.

Об отношениях Михаила Булгакова и Юрия Слезкина вспомнили после публикации «Мастера и Маргариты» в журнале «Москва» (1966–1967) и «реабилитации» автора романа. Булгакова печатали, его талант был публично признан. В то же время Булгакова «оправдывали» перед режимом. Применяли два приема: 1) зачисление Булгакова в советские писатели, несмотря на «ограниченность его взгляда писателя на современность» (Константин Симонов); 2) натяжки и сокрытия, которые позволяли придать Булгакову черты, долженствующие присутствовать или отсутствовать у советского писателя: в частности, намеки на «революционность», нежелание эмигрировать и т.п. (сестра писателя Надежда Земская, например, публикуя в 1976 г. его письма, обрывала в тексте слова, «компрометирующие» его как советского писателя). Был использован еще один прием «соблюдения невинности и приобретения капитала». Булгаков изо всех сил писал, а Слезкин ему изо всех сил мешал. Таков миф.

В книге Виктора Петелина о Булгакове приведены списки недоброжелателей, завистников, вообще врагов Булгакова. Списки составлены Еленой Сергеевной Булгаковой – последней женой писателя, ревностно относившейся к его судьбе и людям, с которыми судьба его сводила. Хранятся списки в Отделе рукописей Библиотеки им. Ленина (ныне РГБ), там же, где хранится дневник Слезкина. Нет каких-либо упреков Слезкину по поводу его отношения к Булгакову.

1927–1928 – годы театральных успехов Булгакова, радужных надежд и итогов Слезкина (в 1928 году у Слезкина вышло собрание сочинений в 8 томах). В 1929 году оба писателя испытали тяжелые удары. Булгаков назвал этот год «годом катастрофы». В феврале 1929 года Сталин объявил всю драматургию Булгакова антисоветской. Запрещен к постановке «Бег», сняты с репертуаров театров «Дни Турбиных». Разносу подвергся роман Слезкина «Предгрозье». Началась травля. Судьба Булгакова изменилась после вмешательства Сталина в 1930 году. Второе вмешательство Сталина в 1932 году воскресило «Дни Турбиных». Спектакль и автор пьесы испытали невиданный успех. Именно тогда Слезкин начал вести дневник. Если не считать его вводную часть, собственно дневник начинается с истории возобновления во МХАТе «Дней Турбиных». 21 февраля 1935 года: *«На первом представлении «Дней Турбиных» – аншлаг, очереди у кассы на следующие спектакли. Со всех сторон только и слышно – «какая чудесная пьеса». Некоторые смотрели по 45 раз»*.

Осенью 1939 года Булгаков заболел. В дневнике Юрия Слезкина четыре записи о болезни и смерти писателя.

«16 ноября 1939 г.

Звонил Булгакову, узнав о его болезни. У него склероз почек, он слепнет. Такое несчастие невольно заставляет забыть о многих его недостатках и провинностях в отношении меня. Как-никак он давний мой друг и талантливый человек. Подошел к телефону сын его жены. Михаил Афанасьевич лежит, его жена больна ангиной. Я передал свой привет. Через некоторое время звонок. Говорит снова детский голос, от имени отца благодарит за память и очень просит заглянуть к нему, когда поправится мама...».

Заметим: вновь Слезкин говорит о Булгакове: *«талантливый человек»*. Более того – он не считает его своим врагом, несмотря на то что какие-то *«провинности в отношении»* Слезкина со стороны Булгакова были (о них, очевидно, мы никогда уже не узнаем: сам Слезкин в дневнике никак их не раскрывает, по-видимому, в силу прирожденной тактичности). Но главное – Слезкин пишет: *«он давний мой друг»*. Тем самым он признает, что расхождение и многолетнее охлаждение не прервали дружеской связи. Об этом свидетельствуют и последующие записи дневника. Слезкин делает эти записи почти за тридцать лет до начала посмертной славы Булгакова. Он еще не знает, что его младшего товарища по литературному цеху ждет всемирная известность и слава, а потому вряд ли исследователь может усмотреть здесь желание Слезкина погреться в лучах чужой славы. К тому же – дневник писан для себя, а не для чтения литературоведами.

Следующая запись:

«3 декабря 1939 г.

Звонил Булгаков из санатория Барвиха. Благодарил за память. Он поправляется, зрение восстанавливается. Три месяца ничего не видел».

Как видим, не только Слезкин продолжал считать Булгакова своим другом, но и Булгаков не видел в Слезкине ни врага, ни завистника. Та черная кошка, которая между ними некогда пробежала (вовсе не литературного происхождения, а явно бытового), растаяла в дымке времени.

«11 марта 1940 г.

Сегодня узнал от Финка – умер Михаил Афанасьевич Булгаков, 49 лет. Много месяцев страдал. Одно время чувствовал себя лучше, вернулось зрение, а перед смертью снова ослеп. Так и не удалось с ним встретиться, как условились – после Барвихи. Большая часть его рукописей не увидела света. Два романа, четыре пьесы. Прошел всю свою писательскую жизнь по обочине, всем известный, но «запретный». Его «Дни Турбиных» держатся на сцене дольше всех советских пьес. Грустная судьба. Мир его праху».

«15 марта 40 г.

В «Лит. газете» 15 марта появился приложенный здесь некролог о Булгакове. Впервые в нем написана правда. При жизни – был успех у читателей и зрителей и бесконечный поток ругани на страницах газет и тех-журналов.

Пьесы «Пушкин» и «Дон Кихот» принимались, а много лет не ставились под нажимом критики и театральных заправил».

Комментарии излишни.

Перу Булгакова принадлежит статья «Юрий Слезкин (силуэт)», в которой высоко оценивается его писательское мастерство, но в упрек ставится отстраненность от судьбы своих литературных героев и текущего времени. С возрождением имени и ростом авторитета Булгакова эту статью литературоведы начали использовать в случаях, когда речь заходила о Слезкине. Статья впервые была напечатана в 1922 году («Сполохи», № 12, Берлин), в ней рассматривается дореволюционный период творчества писателя. Тем не менее сделанные в ней критические замечания распространяются некоторыми авторами едва ли не на все творчество Слезкина и интерпретируются как чуть ли не разнос. Одно – неправомерно, другое – неверно. Здесь, однако, не всегда присутствует только злонамеренность, иногда – неосведомленность. Статья без изменений в 1928 г. была перепечатана в Риге в качестве предисловия к «Роману балерины» Слезкина, впервые вышедшему в свет в 1913 году под названием «Секрет Полишинеля». Именно издание 1928 года оказывалось в руках критиков, не знавших ни о многократных изданиях этого романа после 1913 года, ни о статье Булгакова 1922 года. Это, однако, не оправдывает критиков, так как статья начинается с перечисления разбираемых произведений – дореволюционных – и в ней нет никакого намека на хулу по отношению к Слезкину. Будь в ней такой намек, не сделал бы Слезкин тастом в Большой театр, что написанная Булгаковым *«очень злая и остроумная пьеса о МХАТе – зубоскальство и только»*, сочувственно записал: *«Грустная у него писательская судьба»*. Он считал, что Булгаков *«очень талантлив, но мелок»*. В какой уже раз: *«очень талантлив»*. Можно оспаривать, особенно придерживаясь современного отношения к Булгакову и его творчеству, определение: *«мелок»*. Не следует забывать, однако, что Слезкину не были известны замыслы и работа Булгакова, скрытые от чужих глаз. Он ждал от автора ценимой им очень высоко «Белой гвардии» большего, чем незаконченная повесть «Театральный роман». Он судил по себе. Живя в тех же условиях, что и Булгаков, был по-своему мелок, но, издав, еще до революции роман «Ветер» о тогдашней предвоенной России, он не оставлял

Персонаж «Нехорошей лестницы» в «булгаковском» доме на Садовой. Фото Марка Феликса

кой (многократно упоминавшейся) записи в дневнике: *«Булгаков хвалил роман («Столовая гора») и, очевидно, искренне относился ко мне как писателю и человеку. Написал даже большую статью для Берлинского журнала «Сполохи», где и была она напечатана»*.

И Булгакова, и Слезкина травили. О Булгакове хорошо известно. О Слезкине все забылось. Его травили как попутчика, как бывшего дворянина, как представителя отжившего класса (надо сказать, что верой и правдой служили царскому режиму в предреволюционные годы по крайней мере пять-шесть генералов Слезкиных – отец, дядя – один дядя был начальником жандармского управления Санкт-Петербурга), словом, родословная писателя оказалась очень удобной для критиков из лагеря Пролеткульта и т.п. Почти 6 лет Слезкина не печатали, он попал в черный список цензуры, и с конца 1928 по 1935 год не было напечатано ни строчки. Он писал пьесы, их тут же запрещали. Приходилось зарабатывать скетчами на темы развития трамвайного парка и санитарного просвещения. Его семья голодала.

По стопам Замятина и Булгакова Слезкин написал письмо Сталину. И только тогда постепенно, с трудом, его начинают печатать.

27 марта 1937 года Слезкин, узнав от актера МХАТа, что Булгаков, не сжившись с коллегами, перешел литературным либреттиэтой темы, которую считал для себя главной. Он развил ее в упоминавшемся «Предгрозье», изданном в 1928 году, продолжил и углубил в романе «Отречение», первый том которого вышел в 1935 году. Второй том печатался в то время, когда Слезкин записал приведенные выше строки о Булгакове, а вышел в свет в декабре того же года. Одновременно шла работа над третьим томом, и некоторые куски из него уже печатались в периодических изданиях. Вне непосредственной связи с Булгаковым, но не случайно в том же 1937 году в дневнике Слезкина 12 мая появилось рассуждение о постоянстве: *«Избрать, крепко подумав, проверив себя, и уже полюбить на всю жизнь. Это не значит топтаться на месте. Это значит идти вперед одной дорогой, не разбрасываясь, не плутая, не возвращаясь назад, идти без колебаний, с крепкой верой в правоту своего дела и никогда не изменяя ему»*. Это – определенная творческая и человеческая позиция. Отсюда и сочувствие писателю Булгакову, и его критика. Не зависть.

Слезкин, первым увидевший в начинающем писателе талант, радовался его творческим успехам и огорчался из-за его жизненных неудач. Письма от читателей и от друзей, хранящиеся в РГАЛИ и в Отделе рукописей РГБ, подтверждают наше мнение: Слезкин был искренним, доброжелательным, широким человеком. ■